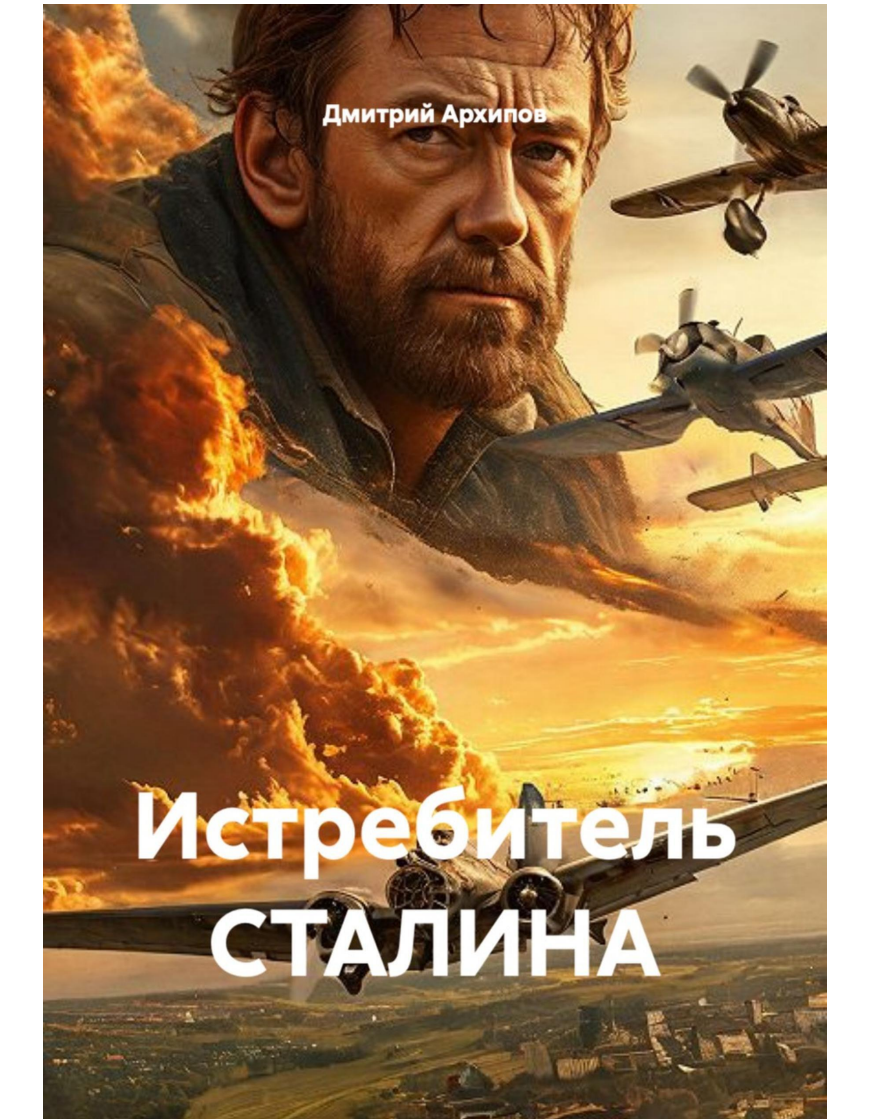

Дмитрий Архипов

Истребитель СТАЛИНА

Дмитрий Архипов

Истребитель СТАЛИНА

<https://litres.ru/74219242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я долго не решался написать эту книгу. (Идея мне приснилась год назад в виде готового фильма. Главного героя играл Константин Хабенский).

Не потому, что не хватало материала. Материала было столько, что хватило бы на десять романов. Не потому, что боялся не справиться. Справиться можно с чем угодно, если горишь тем, о чём пишешь. А я горел. И горю до сих пор.

Я не решался, потому что это очень личная история. Не моя — их. Двух лётчиков. Двух врагов. Двух людей, которые встретились в небе над горящей землёй и не выстрелили друг в друга.

Вы скажете: такого не бывает. На войне стреляют. На войне убивают. На войне нет места милосердию.

Я тоже так думал. А потом начал копать.

Я поднял архивы. Советские, немецкие, американские. Я читал мемуары лётчиков — тех, кто выжил, и тех, кто нет. Я говорил с историками, с военными. Я изучил тактику воздушного боя — от «кубанской этажерки» до «соколиного удара». Я разобрал устройство Ла-5 и «мессершмитта», чтобы понять, как они летали и как горели.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Архипов

Истребитель СТАЛИНА

Глава

Дмитрий Архипов

Истребитель СТАЛИНА

Новосибирск 2026

От автора

Я долго не решался написать эту книгу. (Идея мне пришла год назад, в виде готового фильма. Главного героя играл Константин Хабенский).

Не потому, что не хватало материала. Материала было столько, что хватило бы на десять романов. Не потому, что боялся не справиться. Справиться можно с чем угодно, если горишь тем, о чём пишешь. А я горел. И горю до сих пор.

Я не решался, потому что это очень личная история. Не

моя — их. Двух лётчиков. Двух врагов. Двух людей, которые встретились в небе над горящей землёй и не выстрелили друг в друга.

Вы скажете: такого не бывает. На войне стреляют. На войне убивают. На войне нет места милосердию.

Я тоже так думал. А потом начал копать.

Я поднял архивы. Советские, немецкие, американские. Я читал мемуары лётчиков — тех, кто выжил, и тех, кто нет. Я говорил с историками, с военными, с потомками тех, кто воевал. Я изучил тактику воздушного боя — от «кубанской этажерки» до «соколиного удара». Я разобрал устройство Ла-5 и «мессершмитта», чтобы понять, как они летали и как горели.

И чем больше я узнавал, тем яснее становилось: война — это не только приказы и стратегии. Война — это люди. Конкретные. Живые. С руками, которые держат штурвал. С сердцами, которые колотятся от страха. С мыслями о доме, о маме, о детях, о невесте.

Я узнал, что в самые страшные дни — под Сталинградом, на Курской дуге — случалось такое, о чём не пишут в учебниках. Враги, которые только что стреляли друг в друга,

вдруг... не стреляли. Почему? Что происходило в эти секунды? О чём они думали? Что чувствовали?

Ответа нет ни в одном архиве. Но я попытался его найти. И написал этот роман.

Это не документальная хроника. Это художественная история. Но в её основе — реальные события, реальные люди, реальные решения, которые меняли ход войны. Имена изменены. Обстоятельства — где-то дополнены. Но суть осталась: два лётчика, два «ключа», одна встреча, которая могла изменить всё.

Я писал эту книгу с мыслью о том, что война — это не абстрактное зло. Война — это выбор. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду. Выбор между выстрелом и молчанием. Между мстостью и прощением. Между ненавистью и человечностью.

И те, кто выбрал человечность, — они и есть настоящие герои. Не те, кто убил больше всех. А те, кто сохранил себя. Кто не дал войне сожрать свою душу.

Эта книга — о них. Об Алексее Волкове, который потерял в одном бою трёх ведомых, но не потерял себя. Об Эрике фон Штайнере, который смотрел на русского врага и видел в

нём брата. О старухе из Куйбышева, которая знала больше, чем все генералы вместе взятые. О Вольфе Мессинге, который видел вероятности. О Сталине, который умел слушать не только сводки, но и тишину.

И о Владимире Высоцком, который через много лет после войны написал песню «Тот, который не стрелял» — не зная, что эта песня о них. О двух лётчиках. О двух врагах. О двух братьях, которые встретились в небе и выбрали жизнь.

Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы задумаетесь: а что бы я сделал на их месте? Выстрелил бы? Или убрал палец с гашетки?

Я не знаю ответа. И вы, наверное, не знаете. Но важно хотя бы задать этот вопрос.

Потому что вопросы — это то, что делает нас людьми.

Спасибо, что открыли эту книгу.

С уважением и благодарностью, ваш Дмитрий Архипов.

Часть I. Земля

Глава 1. Алексей

СССР, Куйбышевская область. Май 1941 года.

Солнце вставало над Куйбышевом медленно, словно нехотя. Сначала розовели верхушки яблонь в саду Волковых, потом свет заливал крыльцо, потом пробирался в окна, и наконец добирался до кровати, где спал Алексей. Он проснулся, как всегда, за минуту до того, как мать начинала кричать с кухни.

Это был его личный дар — просыпаться раньше будильника, раньше крика, раньше петуха. Петух, кстати, носил имя Адольф. Назвали в прошлом году, когда соседский петух подрался с их петухом и победил, и кто-то в шутку сказал: «Ну, Адольф у нас агрессивный, да?». Шутка прижилась. Теперь Адольф орал каждое утро, и никто не видел в этом дурного знака — до поры.

— Алёшка! — голос матери всё-таки раздался. — Вставай! Опоздаешь на поезд!

Алексей сел на кровати и потянулся. Мышцы ныли после вчерашнего — отец попросил помочь с крышей сарая, и они провозились до темноты. Руки пахли деревом и смолой. Хороший запах. Мирный.

Сегодня был его последний день дома. Завтра он садился в поезд до Минска, где его ждал истребительный полк. Распределение пришло две недели назад, и всё это время мать ходила с красными глазами, а отец молча курил на крыльце. Катя, младшая сестра, рисовала в альбоме самолёты. Она рисовала их с тех пор, как Алексей поступил в лётное.

— Смотри, — сказала она вчера, показывая новый рисунок. — Это твой самолёт. А это — вражеский. Ты его сбиваешь.

— Почему ты решила, что я его сбиваю?

— Потому что ты лучше всех летаешь. Мне в школе сказали. Сказали: «Твой брат — лучший курсант».

Алексей усмехнулся. Кате было двенадцать, она училась в школе № 12, и учительница действительно как-то обмолвилась, что Волков-младший подаёт надежды. Но Катя поняла это по-своему.

— Я не лучший, — сказал он. — Я просто упрямый.

— Это одно и то же.

Он не спорил. Он действительно был упрямым. В лётном

училище это качество ценилось: упрямые не сдаются, когда мотор глохнет на взлёте, упрямые доводят фигуры пилотажа до автоматизма, упрямые выживают. По крайней мере, так говорил инструктор, капитан Горелов, человек с лицом, изрытым шрамами, и голосом, похожим на скрежет металла.

— Волков, ты — упрямый, — говорил он. — Это хорошо. Но упрямство без мозгов — это глупость. А глупость в небе — это смерть. Понял?

— Понял.

— Ни черта ты не понял. Но поймёшь. Когда придёт время.

Теперь, сидя на кровати в последнее мирное утро, Алексей думал: пришло ли это время? Он не знал. Он знал только, что должен ехать. Что там, на западе, что-то сгущается. Что отец, воевавший в Первую мировую, говорит мало, но смотрит тревожно. Что газеты пишут о мире, но поезда идут на запад, и в них — такие же парни, как он.

Завтрак был невесёлым. Анна Петровна поставила на стол пироги с капустой — его любимые, — но есть не хотелось. Отец, Иван Сергеевич, сидел напротив и молча размешивал сахар в чае.

— Ты это, Алёшка, — сказал он наконец. — Там, на фронте... — он осёкся. — В части то есть. Будь осторожен.

— Я буду.

— Не геройствуй. Героев много. Живых — мало.

— Папа! — возмутилась Катя. — Не пугай его!

— Я не пугаю. Я предупреждаю. — Иван Сергеевич поднял глаза на сына. — Я в семнадцатом году под Брусиловым был. Знаешь, что я понял?

— Что?

— Война — это не подвиг. Война — это работа. Тяжёлая, грязная, страшная работа. И если ты хочешь вернуться, ты должен делать её хорошо. Не красиво. Хорошо.

Алексей кивнул. Он не знал, что ответить. Он не видел войны. Он видел только учебные полёты, мишени, схемы. Он не знал, как это — стрелять по живому человеку. Но он знал, что придётся.

Вечером они сидели на крыльце втроем — Алексей, Катя

и отец. Солнце садилось, окрашивая сад в золотой цвет. Яблони цвели. Лепестки кружились в воздухе, как снег. Было тихо.

— Ты напишешь? — спросила Катя.

— Обязательно.

— Часто?

— Как смогу.

— Я буду ждать. Каждое письмо.

Она взяла его за руку и не отпускала до темноты.

— --

Глава 2. Эрих

Германия, Бавария. Май 1941 года.

Дождь в Баварии шёл третьи сутки подряд. Эрих фон Штайнер стоял у окна и смотрел, как капли стекают по стеклу, оставляя извилистые дорожки. Дорожки напоминали карту — реки, границы, линии фронта. Он потёр глаза.

Слишком много карт в последнее время. Слишком много границ.

В соседней комнате заплакала Марта. Хелена что-то запела — тихую баварскую колыбельную, которую пела ещё её бабушка. Эрих прислушался. Колыбельная была о маленьком зайце, который заблудился в лесу, но нашёл дорогу домой.

Он тоже хотел найти дорогу домой. Но сначала нужно было уйти.

Через три дня он возвращался в часть. Его эскадрилья «Зелёное сердце» стояла под Варшавой, и ходили упорные слухи, что скоро их перебросят дальше на восток. Куда именно — не говорили. Но все понимали.

Война с Россией.

Эрих не был политиком. Он был лётчиком. Он любил небо, любил свою машину, любил чувство полёта — когда земля уходит вниз, а ты остаёшься один на один с бесконечностью. В небе не было границ. В небе не было фюреров и генеральных секретарей. В небе был только ты, твой самолёт и твой противник. Честная игра.

Но война не была игрой.

Он отошёл от окна и сел за стол. На столе лежала раскрытая тетрадь — он пытался писать письмо, но слова не шли. Что написать Хелене? «Дорогая, я скоро уезжаю. Возможно, мы будем бомбить русские города. Возможно, меня собьют. Возможно, я больше никогда тебя не увижу»? Нет. Он не мог так написать. Он писал о погоде, о том, что скучает, о том, что Марте нужно купить новые туфли — она так быстро растёт.

Хелена вошла в комнату. Марта уже спала у неё на руках — маленькая, светловолосая, с пальчиками, сжатыми в кулачки.

— Ты опять не спишь, — сказала Хелена.

— Не спится.

— Ты думаешь о войне.

— Да.

— Ты вернёшься?

— Конечно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он обнял её — осторожно, чтобы не разбудить Марту. Хелена пахла молоком и лавандой. Он запомнил этот запах. На всякий случай.

Позже, когда все уснули, он вышел в сад. Дождь наконец прекратился. Небо очистилось, и стали видны звёзды. Эрих смотрел на них и думал о том, что где-то там, за тысячи километров, такие же звёзды видит другой лётчик. Русский. Тот, с которым ему, возможно, предстоит встретиться.

Он не знал его имени. Но почему-то думал о нём часто.

Отец, Отто фон Штайнер, вышел следом. Он всё ещё носил военную выправку, хотя был в отставке уже десять лет. Полковник. Железный крест первого класса. Рана под Верденом. Он знал, что такое война.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Как и ты.

— Я старый. Мне можно. А тебе нужно отдыхать. Скоро будет некогда.

— Отец, ты веришь в победу?

Отто долго молчал. Потом сказал:

— В прошлую войну мы тоже верили. В кайзера. В бога. В Германию. А потом сидели в окопах по колено в грязи и жрали крыс. Я не хочу, чтобы ты прошёл через это.

— Но я уже иду.

— Знаю. — Он положил руку на плечо сына. — Запомни одну вещь, Эрх. Война — это не солдаты. Солдаты — это просто люди. Война — это те, кто сидит в кабинетах. Те, кто рисует стрелки на картах. Те, кто никогда не видел крови. Не дай им себя сломать. Оставайся человеком. Даже если это будет стоить тебе карьеры.

— Даже если это будет стоить мне жизни?

— Жизнь — это не самое дорогое. Самое дорогое — это то, ради чего ты живёшь. — Он посмотрел на дом, где спали Хелена и Марта. — Вот это. Ради этого стоит жить. И ради этого стоит оставаться человеком.

Глава 3. Предчувствие

СССР, Куйбышевская область. Июнь 1941 года. За десять дней до войны.

Алексей не мог уснуть. Он вышел во двор босиком, сел на крыльцо и закурил. Небо было ясным, звёздным. Где-то далеко, на западе, небо было другим — тёмным, тревожным. Ему казалось, что он слышит гул. Не моторов — чего-то другого. Чего-то огромного, надвигающегося.

Катя вышла следом. Она всегда чувствовала, когда ему плохо.

— Опять не спишь? — спросила она, садясь рядом.

— Опять.

— Ты боишься?

— Нет.

— Врёшь. Я же вижу.

Алексей вздохнул:

— Боюсь. Но не за себя. За вас.

— За меня не бойся. — Она взяла его за руку. — Я сильная. Я, если что, сама в лётчики пойду.

— Ты же девочка.

— Ну и что? У нас есть знаменитые лётчицы. Раскова, Гризодубова, Осипенко. Они Герои Советского Союза! Я в газете читала.

— Ты слишком много читаешь.

— А ты слишком много боишься.

Они замолчали. Звёзды мерцали. Петух Адольф спал в курятнике и не подозревал, что его имя скоро станет ругательным.

— Алёш, — тихо сказала Катя. — А правда, что война будет?

— Не знаю. Говорят, что нет.

— А ты чувствуешь?

— Что?

— Что будет.

Алексей посмотрел на неё. Ей было двенадцать, но глаза у неё были взрослые. Слишком взрослые для ребёнка.

— Чувствую, — сказал он.

— И я чувствую. — Она прижалась к его плечу. — Но ты вернёшься. Я знаю.

— Откуда?

— Мне бабушка сказала.

— Какая бабушка?

— Старая. Она живёт на окраине. Все говорят, что она ведьма. А она просто старая. Я к ней хожу иногда, помогаю. Она мне сказала: «Твой брат вернётся. Он встретит того, кто ему равен. И они выберут жизнь».

— Что за чушь?

— Не чушь. Она много чего знает. Она сказала, что у тебя есть что-то. Какой-то «ключ». Ты сам не знаешь, но он есть.

Алексей хотел рассмеяться, но почему-то не смог. Слова старухи — он никогда её не видел, даже имени не знал, — засели в нём занозой.

— Что за ключ? — спросил он.

— Она не сказала. Сказала только: «Когда придёт время, он поймёт».

— Ты веришь в это?

— Я верю в тебя. Это важнее.

— --

Глава 4. Документ из Аненербе

Берлин. Институт Аненербе. Март 1941 года.

За три месяца до описываемых событий в секретной лаборатории Аненербе — оккультного отдела СС — шла ра-

бота, о которой знали лишь несколько человек в Рейхе. Доктор Вернер фон Браун (однофамилец ракетчика, но не родственник) склонился над расчётами, которые его ассистенты вели уже полгода.

На столе перед ним лежали досье. Десятки досье. Лётчики Люфтваффе, отобранные по странным критериям: не просто результативность в бою, а нечто иное. Интуиция. Способность предвидеть действия противника. Реакция, превышающая человеческие пределы.

— Вот этот, — сказал ассистент, молодой человек в очках, указывая на одно из досье. — Обер-лейтенант Эрих фон Штайнер. Двадцать три победы. Но дело не в победах. Дело в том, как он их одерживает.

Фон Браун взял досье. Читал долго. Потом отложил:

— «Ключ». У него есть «ключ».

— Вы уверены, герр доктор?

— Посмотрите на графики. Его реакция на три десятых секунды быстрее, чем у любого другого пилота в Люфтваффе. Он уворачивается от пуль, которых не видит. Он находит цель в облаках, когда приборы молчат. Это не тренировка.

Это мутация.

— Та самая?

— Та самая. «Ключ». Один на миллион. И он не один такой.

— Есть ещё?

Фон Браун достал из ящика другое досье — тоньше, с грифом «Совершенно секретно. Агентурные данные».

— Русский. Капитан Алексей Волков. Двадцать подтверждённых побед — пока, потому что война ещё не началась официально, но он уже сбивал наших в приграничных стычках. Та же реакция. Та же интуиция. Тот же маркер.

— Два «ключа»?

— Да. И если они встретятся... — Фон Браун замолчал.

— Что?

— Никто не знает. Теоретически — резонанс. Два носителя «ключа» в одном пространстве могут изменить реальность. Буквально. Мы не понимаем механизма. Но расчёты

показывают: исход такой встречи может определить исход войны.

Ассистент сглотнул:

— Что нам делать?

— Наблюдать. И, возможно, направить одного к другому. Пусть встретятся. Пусть сойдутся. А там посмотрим.

— А если они не станут сражаться?

Фон Браун снял очки и потёр глаза:

— Тогда война пойдёт по другому пути. Не по тому, который мы планируем. И тогда... — он не договорил.

В коридоре раздались шаги. В кабинет вошёл офицер СС:

— Герр доктор, рейхсфюрер Гиммлер ждёт вашего доклада.

— Иду. — Фон Браун собрал досье и направился к двери. У порога обернулся: — И найдите мне всё, что можно, о старухе из Куйбышева. Та, что предсказывает судьбу. Она связана с русским. Я хочу знать, кто она.

— Старуха? — удивился ассистент. — Вы верите в пророчества?

— Я верю в закономерности. А закономерности иногда рядятся в пророчества.

— --

Глава 5. Старуха

Куйбышев. Окраина. Март 1941 года.

Старуху звали Евдокия. Фамилии никто не знал. Давно, ещё до революции, её называли Евдокией-ведуньей, потом — Евдокией-знахаркой, потом — просто бабой Дуней. Она жила на окраине Куйбышева, в покосившемся доме, который каким-то чудом не сносили уже тридцать лет.

Дети её боялись. Взрослые — уважали. Она лечила травами, принимала роды, заговаривала зубы. И ещё она говорила странные вещи. О людях. О том, что их ждёт. Иногда её предсказания сбывались. Чаще — нет. Но те, что сбывались, сбывались с пугающей точностью.

Катя Волкова приходила к ней с прошлого года. Сначала

— просто помогать: воды принести, пол подмести. Потом — слушать. У бабы Дуни был дар: она рассказывала истории так, что забывалось всё. О старых временах. О войнах. О людях.

— У тебя брат — лётчик? — спросила она однажды.

— Да. Алексей. Он в училище. Скоро на фронт.

— Не на фронт. В часть, — поправила старуха. — Фронта ещё нет. Но будет.

— Вы знаете?

— Знаю. Вижу. — Она подняла на Катю свои странные глаза — один зелёный, другой белёсый, как будто затянутый плёнкой. — Твой брат — особенный. У него есть «ключ».

— Какой ключ?

— Ключ от двери, которую лучше не открывать. Но её откроют. Без него. А он должен будет выбрать.

— Что выбрать?

— Жизнь. Или смерть. Свою. Или чужую. — Старуха по-

молчала. — Ты не бойся. Он выберет жизнь. Потому что он — хороший. И тот, другой, с кем он встретится, — тоже хороший.

— Какой другой?

— Немец. Лётчик. Такой же, как твой брат. У него тоже есть «ключ». И у него тоже есть сестра. Только она младше. И дочь. Маленькая. Марта.

— Откуда вы знаете?

— Вижу. — Старуха улыбнулась беззубым ртом. — Ты, девочка, не бойся. Твой брат вернётся. Я тебе обещаю.

И Катя верила.

— --

Часть II. Небо

Глава 6. 22 июня

СССР. Западная граница. 22 июня 1941 года.

Война началась не так, как представлял себе Алексей.

Он думал: будет приказ, построение, речь командира. Может быть, оркестр. Может быть, знамя. Ничего этого не было. Был воскресный день. Был борщ в столовой — невкусный, пересоленный, но горячий. Был солнечный свет. И был гул.

Гул нарастал с запада — низкий, вибрирующий, похожий на приближающуюся грозу. Но небо было ясным. Алексей стоял на краю лётного поля с кружкой чая в руке и смотрел, как из-за горизонта выползают чёрные точки.

Они росли, превращаясь в самолёты. Десятки. Сотни. С крестами на крыльях.

— Воздух! — заорал кто-то.

Кружка выпала из рук Алексея и разбилась о землю. Чай впитался в пыль. Через минуту от аэродрома ничего не осталось — только воронки, огонь и обломки. Но к тому времени Алексей уже был в небе.

Он не помнил, как добежал до своего И-16. Не помнил, как взлетел. Всё слилось в один непрерывный миг: рёв мотора, свист пуль, вспышки разрывов. Немецкие «юнкерсы» шли волнами — одна за другой, как на параде. Они сбрасывали бомбы на казармы, на склады, на взлётную полосу. Всё

горело.

Алексей набрал высоту и осмотрелся. Вражеских самолётов было так много, что небо казалось чёрным. Но он не думал о том, сколько их. Он думал только о том, как бить.

Первый «юнкерс» он сбил почти случайно — просто выпустил очередь и попал. Бомбардировщик задымил и пошёл к земле, оставляя за собой чёрный шлейф. Второго он атаковал уже осознанно — зашёл сбоку, ударил по кабине. Третий попытался уйти, но Алексей догнал его и добил.

Три сбитых за один вылет.

Когда он приземлился — на изрытое воронками поле, среди обломков, — механик Сидорчук встретил его с круглыми глазами:

— Капитан, вы живы!

— Жив.

— А три фрица — ваши?

— Мои.

— Ну, — Сидорчук вытер пот со лба, — с почином, товарищ капитан.

Но Алексей не чувствовал радости. Он стоял на краю поля и смотрел, как догорают самолёты — наши и немецкие. Где-то там, в одном из этих костров, были люди. Такие же лётчики, как он. У них тоже были семьи. Тоже матери. Тоже сёстры.

Война началась. И с каждым сбитым самолётом она становилась всё реальнее.

— --

Глава 7. Первый бой Эриха

Где-то над Белостоком. 22 июня 1941 года.

Эрих фон Штайнер вступил в войну на два часа позже своего русского визави.

Его эскадрилья «Зелёное сердце» шла во втором эшелоне — прикрывать бомбардировщики, которые уже отработали по советским аэродромам. Задача была простая: не дать русским истребителям подняться в воздух и ударить по «юнкерсам». Но русские всё равно поднялись.

Эрих увидел их, когда его звено проходило над горящим Минском. Три И-16 вынырнули из облаков и пошли в атаку на головной «юнкерс». Эрих скомандовал ведомым:

— Прикрываю! Атака!

«Мессершмитт» рванулся вперёд. Эрих поймал в прицел ведущего русского — тот шёл прямо, не сворачивая, как на учениях. «Молодой, — подумал Эрих. — Неопытный». Он дал очередь. Русский самолёт задымил и начал падать.

— Есть один! — крикнул ведомый, Клаус.

— Вижу. Не отвлекайся.

Второй И-16 попытался зайти Эриху в хвост, но тот ушёл переворотом и сам оказался сзади. Ещё одна очередь — и русский загорелся. Третий ушёл в облака.

— Преследовать? — спросил Клаус.

— Нет. Возвращаемся. Задача выполнена.

На обратном пути Эрих думал о тех двоих, кого только что сбил. Они были молоды. Они, наверное, только закон-

чили училище. Они не успели ничего понять. Он вспомнил слова отца: «Война — это не солдаты. Солдаты — это просто люди». Да. Люди. Которые сейчас горят в обломках своих самолётов.

— Ты в порядке? — спросил Клаус по радиосвязи.

— В порядке.

— Ты какой-то тихий.

— Я всегда тихий после боя.

— Это твой первый бой в этой войне.

— Да. Первый.

— Привыкнешь.

— Не хочу привыкать.

Клаус не ответил. Может быть, не расслышал. А может быть, понял.

— --

Глава 8. Сталинградская осень

Сталинград. Октябрь 1942 года.

Волга была серой от пепла. Город — точнее, то, что от него осталось, — лежал в руинах. Но люди продолжали сражаться. За каждый дом. За каждую лестничную клетку. За каждый метр земли.

Алексей Волков к этому времени стал одним из лучших асов полка. На его счету было семнадцать подтверждённых побед, и командование ценило его не только за меткость, но и за умение возвращаться. Возвращаемость — вот что отличало настоящего аса от просто хорошего лётчика. Можно сбить десять самолётов и погибнуть в одиннадцатом бою. А можно сбить двадцать и выжить. Алексей выбирал второе.

Он летал на Ла-5 — машине, которую только начали поставлять в войска. Ла-5 был сыроват: мотор перегревался, масло текло, на больших углах атаки срывался в штопор. Но он был быстр. И он был живуч. Алексей уже дважды возвращался на аэродром с простреленными крыльями и один раз — с перебитым рулём высоты. Сидорчук, его бессменный механик, только качал головой:

— Товарищ капитан, вы как кошка. У вас девять жизней.

— У кошки — девять. У лётчика — одна. Просто я её берегу.

— Оно и видно. Вон, третьего дня опять в лобовую полезли.

— Я не лез. Я контратаковал.

— Это одно и то же.

Алексей не спорил. Он действительно часто ходил в лобовые атаки — это был его стиль. Рискованный, дерзкий, но эффективный. Немцы не ожидали, что русский пойдёт в лоб на «мессер», у которого пушки мощнее. Они уворачивались — и подставляли брюхо. А по брюху бить легче всего.

Но однажды этот стиль чуть не стоил ему жизни.

— --

Глава 9. Лобовая

Небо над Сталинградом. Ноябрь 1942 года.

В тот день Алексей вылетел на перехват группы «юн-

керсов», шедших бомбить переправу. Его ведомый, молодой лейтенант Гриша по прозвищу «Снегирь» — за красный шарф, который он носил даже в кабине, — держался справа.

— Командир, вижу «мессеры»! — крикнул Снегирь. — Три штуки, слева сверху!

— Вижу. Прикрой, я атакую бомберов.

Алексей спикировал на головной «юнкерс» и дал очередь. Бомбардировщик задымил, но продолжал идти. Второй заход — и «юнкерс» начал разваливаться в воздухе. Экипаж выпрыгнул с парашютами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.